

ЖИТИЯ НОВГОРОДСКИХ СВЯТЫХ В ПРОЛОГЕ ПАПСКОГО ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

Стишной Пролог за март-август, хранящийся в Папском Восточном институте в Риме под шифром Slavo 5, был лишь сравнительно недавно введен в научный оборот. Описание собрания рукописей Папского Восточного института было опубликовано А. Джуровой и К. Станчевым только в 1997 г.,¹ хотя сама рукопись Slavo 5 начала XVI в.² была куплена Папским Восточным институтом на аукционе «Международная книга» в Ленинграде еще в 1934 г.³ В 2002 г. А. А. Турилов напечатал в журнале «Славяноведение» рецензию на это описание, причем он пришел к принципиальным выводам, что все находящиеся в Прологе Slavo 5 краткие жития русских святых уникальны, неизвестны по другим спискам и что сама рукопись имеет псковское происхождение.⁴ Об интересующем нас манускрипте речь идет также в новейшей статье А. А. Турилова и М. А. Шибаева об архиепископе Евфимии, опубликованной в «Православной энциклопедии». Авторы осторожно датируют рукопись 1-й четвертью XVI в. и говорят о Житии Евфимия Новгородского, что «подобно большинству других русских житий в составе этой рукописи (свт. Василия Калики, прп. Евфимия Суздальского и др.) текст его уникален», а «факт его создания свидетельствует о распространении почитания Евфимия в ранний период (между 1479 и 10-ми гг. XVI в.) за пределами Новгородской земли». Поскольку Евфимий в заглавии назван «великим Новоградским новым чудотворцем, архиепископом Пскова Великаго», авторы подтверждают сделанный ранее А. А. Туриловым вывод о псковском происхождении рукописи, а также затрагивают вопрос об источниках текста Жития Евфимия (см. подробнее ниже).⁵

¹ Джурова А., Станчев К. Описание славянских рукописей Папского Восточного института в Риме. Roma, 1997. P. 22–25. (Orientalia Christiana Analecta; Vol. 255).

² Филигранны: Голова быка с крестом (л. 1–78, 242; Лихачев. Вод. зн. № 3917, 1506 г.); Голова быка с цветком (л. 79–241; типа: Там же. № 1379–1381, 1385–1386, 1509 г.).

³ Джурова А., Станчев К. Описание славянских рукописей... P. XXIX.

⁴ Турилов А. А. 1) (Рец. на:) Джурова А., Станчев К. Описание славянских рукописей Папского Восточного института в Риме. Roma, 1997 // Славяноведение. 2002. № 4. С. 120–122; 2) К ранней истории общерусского почитания преп. Евфимия Суздальского // Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России. Владимир; Суздаль, 2003. С. 21–24; 3) К истории Стишной Пролога на Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2006. № 1 (23). С. 73.

⁵ Турилов А. А., Шибаев М. А. Евфимий II Вяжицкий // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 437.

Всего в Стишном Прологе находится 23 текста, посвященных памяти русских святых или событий: Евфимия Новгородского (10 марта, л. 3 об.—4); Ионы митрополита (30 марта, л. 34 об.); Евфимия Суздальского (1 апреля, л. 36 об.—37); Перенесения мощей Бориса и Глеба (2 мая, л. 79—79 об.); Феодосия Печерского (3 мая, л. 80 об.—82); Освящения Десятинной церкви князем Владимиром (12 мая, л. 93 об.—94); Перенесения мощей Бориса и Глеба (20 мая, л. 104 об.—105); митрополита Алексея (20 мая, л. 105); Никиты Переяславского (22 мая, л. 107 об.); Леонтия Ростовского (23 мая, л. 108); московских митрополитов Киприана, Фотия и Ионы (27 мая, л. 113); Игнатия Ростовского (28 мая, л. 115); Кирилла Белозерского (9 июня, л. 133 об.); Иоанна Новгородского «от града Орешка» (18 июня, л. 146 об.); Петра и Февронии Муромских (25 июня, л. 156); Василия Новгородского (3 июля, л. 166); Небесного знамения (запись летописного характера (7 июля, л. 170 об.)); княгини Ольги (11 июля, л. 176 об.—177); князя Владимира (15 июля, л. 182—183); Спиридона Новгородского (19 июля, л. 190 об.); Иоанна Новгородского «от града Ладоги» (23 июля, л. 194 об.—195); Бориса и Глеба (24 июля, л. 195 об., 198) и митрополита Петра (23 августа, л. 240 об.—241).⁶ Предметом изучения в данной работе будут жития только новгородских святых, представленные в Прологе Папского Восточного института.

А. А. Турилов отметил в составе рукописи, дополнительно к трем отмеченным ранее в описании А. Джуровой и К. Станчева, еще два кратких жития новгородских владык (Иоанна Новгородского «от града Орешка» — под 18 июня, и Спиридона Новгородского — под 19 июля). Таким образом, общий корпус новгородских житий в Прологе Папского Восточного института составляет пять текстов, посвященных памятям исключительно архиепископов: Евфимия, Иоанна «от града Орешка», Василия, Спиридона и Иоанна «от града Ладоги». Приведем эти тексты и прокомментируем в порядке их следования в рукописи.

1. Житие Евфимия Новгородского (10 марта), л. 3 об.—4.

В тѣи же день успение иже во святых отца нашего Еуфимия Великаго, Новгородскаго новаго чудотворца, архиепископа Пскова Великаго.

При велицѣмъ князи Даниили Ивановиче Московскомъ сѣи бысть святыи Еуфимей мнихъ въ монастыри близъ Рима. Бысть же добронравень, изрядно житѣе имѣя. И милостивно тѣмъ искушая, и Богъ посла къ нему аггела во образѣ, благовѣстити ему велиему изыти во инѣ монастырь святаго Спаса на Хутыню. Повелѣниемъ же Божьимъ поставленъ бысть архиепискупомъ Новуграду на утвержение Германомъ патрiархомъ Коньстянтинаграда. Поживе же паса церковь Божью лѣтъ 43 и месяца 2, и преставися къ Богу. Честныя же его мощи дають ищѣления (sic!) приходящимъ сѣврюю, а святая его душа взыде на небеса, радующися со аггелы Божьими, веселяся.

---

⁶ Пользуюсь случаем поблагодарить за помощь в ознакомлении с рукописью и копировании текстов Т. Р. Руди, С. А. Семячко и особенно К. Станчева.

Комментарий

Известное Житие Евфимия Новгородского, написанное вскоре после его кончины Пахомием Логофетом, как и проложное житие (под 11 марта),⁷ не имеют ничего общего с приведенным выше текстом. А. А. Турилов и М. А. Шibaев справедливо отметили, что начальная часть текста Жития Евфимия в Прологе Папского Восточного института «практически дословно следует за Житием свт. Григория Великого (Двоеслова), помещенным в Прологе под 11 марта. Из него заимствованы известия о том, что Е. жил в монастыре „близ Рима“, и о посещении его ангелом».⁸ Действительно, Житие Евфимия Новгородского основано на тексте Жития Григория папы Римского, которое читается в той же самой рукописи Папского Восточного института:

Житие Евфимия Новгородского
(10 марта), л. 3 об.—4.

...сыи бысть святыи Еуфимей мних въ мана-
стыри близ Рима. Бысть же добронравень, изряд-
но житъе имѣя. И милостивно тѣмъ искушая, и
Богъ посла к нему аггела во образѣ...

Житие Григория папы Римского
(11 марта), л. 5 об.

...тъи бысть святыи Григории мних въ мана-
стыри близ Рима. Бѣ же зѣло добронравень, из-
рядно житъе имѣя. И милостивно тѣмъ искушая, и
Богъ посла к нему аггела во образе истопышаго въ
мори, и обрѣте и спѣшь на подание...

Цитата из Жития Григория папы Римского в Житии Евфимия Новгородского оборвана, и читатель не имеет возможности узнать, в каком же именно образе явился ангел будущему новгородскому владыке.

Указание на то, что архиепископ Евфимий жил во времена великого князя Даниила Ивановича, не соответствует действительности. Великого князя Даниила Ивановича вообще не было, история просто не знает такого лица. В то же время князь с таким именем является главным героем третьей редакции «Повести о начале Москвы» (вторая половина XVII в.), где под 6714 (1206) г. рассказывается, что великий князь Даниил Иванович, потомок «Рюрика, короля Римскаго», якобы поехал однажды «изыскивати места, где бы ему создати град престольный к великому княжению своему». С собой князь взял мудрого «греченина» Василия, который умел предвидеть, «чему впредь быти». Приехали они «во остров темен и непроходим зело», на котором было болото «велико и топко», а посреди того болота князь увидел «зверя превелика и пречюдна, троеглава и пестра велми пестринами различна и красна зело». Князь спросил грека, что означает это видение. Грек отвечал, что «на сем месте созиждется град превелик и распространится царствие треугольное», а различные «цвети» на звере — это указание на то, что царство наполнят «различных орд люди». Князь поехал дальше и «наехал» на хижину, в которой жил пустынный Букал. Через шесть лет на месте той хижины князь Даниил Иванович заложил Москву («и ныне на том месте (...) царской двор»), также на месте хижины «римлянина» Подона он основал церковь Спаса, а на месте хижины «мужа именем Сара земли Иверские»

⁷ См.: *Творогов О. В.* О «Своде древнерусских житий» // Русская агиография. СПб., 2005. (Т. 1). С. 25—26, № 59.

⁸ *Турилов А. А., Шibaев М. А.* Евфимий II Вяжицкий. С. 437.

заложил город Алексин.⁹ Безусловно фольклорный характер рассказа о великом князе Данииле Ивановиче в этом произведении позволяет предполагать смешение в устной традиции в одном образе двух реальных князей — Даниила Александровича Московского и Ивана Даниловича Калиты. Именно такого «фольклорно-апокрифического» великого князя Даниила Ивановича знает и проложное Житие Евфимия, что свидетельствует об опоре его автора на устные «сказания» и «припоминания», распространенные в церковной среде.

В Житии новгородского архиепископа Евфимия II говорится, что он приехал в Новгород из какого-то монастыря, находящегося близ Рима. Про Евфимия II мы знаем, что в ранний период своей деятельности он приглашал западных мастеров: владычная палата и, скорее всего, первая в Новгородских землях «часозвоня» были созданы мастерами «из немец».¹⁰ Таким образом, в принципе недостоверная информация о приходе владыки в Новгород из-под Рима могла быть основана на «устной» репутации владыки Евфимия II как своего рода «западника».

Источник сведений заключительной части Жития об утверждении Евфимия в архиепископском сане «Германом, патриархом Коньстянтина града» неизвестен. На первый взгляд, упоминание Германа как лица, утвердившего избрание на кафедру владыки Иоанна, кажется очевидным анахронизмом. Но в 1371 г. в Новгород «изъ Царягорода приходи митрополить Германъ на Русь, Грицинь».¹¹ Его торжественный приезд мог превратиться в памяти новгородцев в визит самого патриарха, утвердившего на новгородской кафедре «нашего» владыку. Баснословный характер имеет известие о сроке пребывания Евфимия Новгородского на кафедре (43 года и 2 месяца), не установлен и источник известия об исцелениях от его мошей.

Таким образом, если начальную часть создатель проложного жития Евфимия позаимствовал из жития другого святителя, то дальнейшее изложение носит черты ошибочного «припоминания», пересказа устных источников («апокрифический» великий князь Даниил Иванович, западное происхождение Евфимия, утверждение его поставления патриархом Германом, вымышленная продолжительность управления епархией). Этот же прием, как мы увидим далее, в равной степени используется и в других новгородских житиях Пролога.

2. Житие Иоанна Новгородского «от града Орешка» (18 июня), л. 146 об. (см. ил. 1)

Иже во святыи отецъ нашъ Иоаннъ Великий бѣ от града Орѣшька, сестрициъ преподобнаго Зосимы. Воспитанъ же бысть всѣмъ наказаниемъ. По успении же преподобнаго Семіона, архіепископа новоградскаго, причтомъ общимъ поставленъ бысть архіепископомъ Новуграду. Еретики же яко волкъ отгна и вѣрныя просвѣти, проповѣданья вселенныя благочестья насадивъ, всяко писанье ветхое и новое сказавъ, и многи написавъ книги, к Осподу отоиде.

⁹ Повести о начале Москвы / Исслед. и подгот. текстов М. А. Салминой. М.: Л., 1964. С. 245—250.

¹⁰ См.: *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 197.

¹¹ ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000. Стб. 94.

Комментарий

Житие новгородского архиепископа Иоанна, жившего в XII в., известно в нескольких редакциях,¹² но ничего подобного нашему тексту в них не обнаруживается. Судя по упоминанию в нашем проложном Житии церковных деятелей XV в. — архиепископа новгородского Симеона и преп. Зосимы Соловецкого, — речь вообще здесь идет скорее о владыке Иоанне II (1388—1415), чем об Иоанне I (1165—1185), хотя живший позже архиепископ Иоанн II святым никогда не почитался. Приведенное в Прологе Житие Иоанна Новгородского «от града Орешка» механически использует значительные фрагменты текста Жития Кирилла Александрийского, находящегося в этой же рукописи под 26 июня (на л. 158—158 об.):

Житие Иоанна Новгородского
«от града Орешка» (18 июня), л. 146 об.

...Иоаннъ Великий бѣ от града Орѣшъка, сестричищъ преподобнаго Зосимы.

Воспитанъ же бысть всемъ наказаниемъ.

По успении же преподобнаго Семиона, архиепископа новгородскаго, причтомъ общимъ поставленъ бысть архиепископомъ Новуграду.

Еретики же яко волкъ отгна и вѣрныя просвѣти, проповѣданья вселенныя благочестья насадивъ, всяко писанье ветхое и новое сказавъ, и многи написавъ книги, к Господу отоиде.

Житие Кирилла Александрийского
(26 июня), л. 158—158 об.

...Кириль Дивный бе от града Александрийскаго, сестричищъ Феофила патрiарха.

Воспитанъ же бысть всемъ наказаниемъ нашимъ же и елинскимъ.

По успении же и строя своего причтомъ общимъ на мести его приять Александрийское.

Еретики яко волкъ отогнавъ и верныя просвѣтивъ, проповѣданья вселенныя благочестья насадивъ, всяко писанье ветхое и новое сказавъ (...) и многи написавъ книги, ко Господу отоиде.

Таким образом, автор Жития Иоанна Новгородского, заменив имя святого, указал «от себя» на его происхождение из г. Орешек и на его родство с преподобным Зосимой, а также на поставление во владыки после кончины архиепископа Симеона. Все эти известия не могут быть признаны достоверными и не были основаны на известных нам письменных источниках.

«Приблизительность» исторических знаний автора проявилась в том, что он перепутал последовательность правления новгородских архиепископов Иоанна и Симеона (на самом деле Симеон был владыкой не до, а сразу после Иоанна II, в 1415—1421 гг.), но все же он знал, что эти иерархи жили примерно в одно и то же время — в первой четверти XV в. Если бы автор использовал письменный источник, вряд ли бы он мог так ошибиться, а для устной традиции такое искажение кажется вполне возможным.

Для датировки создания всего цикла новгородских житий определяющим является упоминание преподобного Зосимы, под которым можно понимать только Зосиму Соловецкого. Это известие является свидетельством написания текста, по крайней мере, после кончины Зосимы (а он умер 17 апреля 1478 г.), причем почитание его как святого утвердилось далеко не сразу. Первоначальный вариант жития Зосимы написал его ученик Досифей незадолго до 7011 г. (сентябрь 1502 г. — август 1503 г.), после чего он «на пути» в Москву заехал в Феррапонтов монастырь и уговорил находившегося там в ссылке киевского митрополита Спиридона «украсити, якоже подобает» созданное им Житие Зосимы и

¹² См.: Творогов О. В. О «Своде древнерусских житий». С. 30—31, № 75.

Савватия Соловецких. «Украшенный» текст Жития Досифей представил на суд архиепископа Геннадия и получил его одобрение. Скорее всего, только начиная с этого времени, с начала 1500-х гг., местный соловецкий культ Зосимы мог приобрести такое широкое общеновгородское значение, которое позволило бы создателю проложного агиографического цикла рассматривать архиепископа Иоанна как «сестричица» (племянника) преподобнаго Зосимы.¹³

Учитывая датировку самой рукописи, мы приходим к выводу о несомненной хронологической близости создания агиографического цикла и написания Стишного Пролога Папского Восточного института. Если же учесть, что непосредственные источники текстов житий Евфимия и Иоанна обнаруживаются в той же самой рукописи, то предположение о написании агиографического цикла либо писцом самого Пролога, либо создателем его ближайшего протографа представляется вполне вероятным.

3. Житие Василия Новгородского (3 июля), л. 166

Иже во святѣи отецъ нашъ Василеи прозвѣтеръ сѣи бѣше святаго Воскресения. Послѣди поставлен бѣсть архиепископомъ в Новигради въ конечная лѣта Матвѣя Феодоровича, приведенъ Васи́лиемъ тысяцкимъ и всѣмъ Новымъ градомъ. И пасяше стадо и церквѣ Божья лѣт 6 и месяца 2. Тако же преставися месяца июля въ 3 день на рѣци Узи. И привезоша его в Новѣград, и положиша его во церквѣ святѣи Софѣи въ болшемъ притворѣ. Приятель же преподобному Игнатю. И поставив намѣстник святаго Еуфимья.

Комментарий

Житие архиепископа новгородского Василия Калики до сих пор вообще не встречалось в древнерусской рукописной традиции, хотя Василий Калика, несомненно оставивший яркий след в народной памяти, почитался святым. Перед нами оригинальное сочинение, частично основанное на летописи, а частично ей противоречащее. Небольшой агиографический текст Пролога наполнен фактами, не имеющими соответствия в письменных источниках.

Владыка Василий действительно до поставления был священником («прозвѣтером»), но не «святаго Воскресения», а церкви Козьмы и Демьяна. Возглавлял он новгородскую кафедру не 6 лет и два месяца, а более 20 лет (1331—1352).

Упомянутый в Житии Василия Новгородского посадник Матвей Феодорович действительно жил в те же годы, что и Василий Калика. Это не кто иной, как известный под именем Матвей Коска (Матвей Кошка) влиятельный на протяжении 1330-х—1340-х гг. посадник,¹⁴ который в новгородских летописях называется по отчеству Варфоломеевичем, но однажды, под 6848 (1340) г., — Федоровичем.¹⁵ В первоначальном тексте Новгородской первой летописи младшего извода под 1340 г. посадник верно назван Варфоломеевичем (в зачеркнутом ва-

¹³ См.: *Бобров А. Г.* Досифей // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 55—58. А. А. Турилов отмечает, что Зосима (Соловецкий?) не мог быть племянником владыки Иоанна; «в реальности речь могла идти только об обратном» (*Туролов А. А.* (Рец. на:) *Джурова А., Станчев К.* С. 120).

¹⁴ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 507.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 267; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 71.

рианте Комиссионного списка — Даниловичем),¹⁶ и лишь в трех списках Новгородской четвертой летописи и в Летописи Авраамки он именуется Федоровичем, как и в проложном житии. Очевидно, что перед нами вторичная и при этом ошибочная правка отчества посадника, которую следует отнести к XV в. Откуда же взялся Матвей Федорович в списках Новгородской четвертой летописи? Вполне вероятно, что не с «трудным» на слух отчеством Варфоломеевич, а с более простым — Федорович — посадник Матвей запомнился в народном предании, что отразилось и в летописании, и в проложном Житии Василия Калики.

Упомянутый в тексте тысяцкий Василий — известное имя в новгородской истории, но только начиная с XV в. (в 1415 г. тысяцкие Василий Обакунович и Василий Есифович — участники посольства в Москву для поставления владыки Симеона, последний упомянут как тысяцкий также в 1410 г., а с 1416 г. он становится посадником; в 1456 г. упомянут тысяцкий Василий Пантелеевич; в 1459 г. тысяцким был Василий Александрович Казимир, а в 1475—1476 гг. — Василий Есифович¹⁷). Поскольку в XIV в. новгородские тысяцкие по имени Василий неизвестны, очевидно, что это имя могло быть связано с Василием Каликой лишь в сравнительно более поздней традиции, как ставшее к тому времени обычным и привычным.

«Юрьевский» по происхождению рассказ о погребении владыки Василия Калики, находящийся в Новгородской первой летописи старшего извода под 6860/1352 г. («привезоша и в Новъгородъ в четвергъ, мѣсяца июля въ 5, на память святого отца Лампада; проводи и архиепископъ новъгородьскіи владыка Моисѣи, игумени и попове и весь Новъгородъ, и положиша и у святой Софьи притворѣ»), отсутствует в Новгородской первой летописи младшего извода, но отразился в труде более позднего новгородского летописца-сводчика XV в. следующим образом: «И превезше и в Новград, и положиша у святѣи Софии в притворѣ болшемъ» (Вторая подборка Новгородской Карамзинской летописи).¹⁸ Скорее всего, во владычном своде, на который опирались обе выписки, уже находилось уточнение места захоронения владыки: «в притворѣ болшемъ». Такое же чтение находится также в Новгородской четвертой летописи и в Летописи Авраамки.

Житие Василия Новгородского (3 июля)

...преставися мѣсяца июля въ 3 день на рѣци Узи. И привезоша его в Новъград, и положиша его во церквѣ святѣи Софии въ болшемъ притворѣ.
...пасяше стадо и церквѣ Божья лѣтъ 6 и мѣсяца 2.

Летопись Авраамки

...преставися на рѣцѣ на Узѣ июля въ 3. И привезоша его в Новъгородъ, и положиша его у святѣи Софьи въ притворѣ болшомъ.
А бѣ въ святителствѣ лѣтъ 21 и 4 мѣсяци и два дни.¹⁹

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 352.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 159, 163, 194; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 502—503. В списке новгородских тысяцких с таким именем упомянут в его заключительной части лишь Василий Игнатьевич (после Елисея Константиновича, князя Копорского, т. е. в XV в.) (Новгородская первая летопись... С. 472; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 626).

¹⁸ ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 131; Прохоров Г. М. Материалы по статейному анализу общерусских летописных сводов: (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 185.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 85.

Указание Жития Василия на то, что этот владыка «приятель же преподобному Игнатью», следует связывать с наличием в нашем Прологе под 28 мая отдельного, лишенного каких-либо хронологических примет Жития Игнатия Ростовского (л. 115), а фраза «и поставив намѣстник свягата Еуфимья» отсылает к Житию Евфимия Новгородского (л. 3 об.—4, см. выше).

Итак, в Житии Василия Новгородского мы вновь встречаемся с соединением трех компонентов: новгородского летописного источника XV в., того или иного влияния житийного текста из той же рукописи Стишного Пролога и, очевидно, устных по своему происхождению недостоверных «припоминаний».

4. Житие Спиридона Новгородского (19 июля), л. 190 об. (см. ил. 2)

Спиридонъ иже во святыи отецъ нашъ бѣ от села Бѣлые, сынъ Вавилинъ и матери Василисы, благородну родителю сынъ и благоговѣину. Научи же ся воскорѣ святымъ книгамъ. И бысть сии 16 лѣтъ, и шед в манастырь свягата Спаса, и бысть мних. По семъ поставлен бысть епископомъ Новуграду и пасше церковь Божью лѣт 6 и месяца 3. Тако же к Господу отиде.

Комментарий

Житие архиепископа Спиридона до сих пор не встречалось в русских средневековых источниках; не упоминается оно и в выполненном О. В. Твороговым обзоре древнерусских агиографических сочинений. Ни место рождения владыки, ни имена его родителей также неизвестны другим средневековым источникам. Следует отметить, что местность, именуемая Белая, — это географическая реалья Новгородской земли, упомянутая в Летописи Авраамки («Того лѣта поставиша церковь камену свягата Прокопия на Бѣлой»²⁰), но никаких оснований доверять сведениям о происхождении владыки Спиридона из этих мест у нас нет.

Недостоверными следует считать и другие известия Жития: на самом деле архиепископ Спиридон стал владыкой из монахов Юрьева монастыря, а не из некоей обители «свягата Спаса», и был он архиепископом не «лѣт 6 и месяца 3», а почти 20 лет (1230—1249). Искажения исторических фактов и в этом случае мы можем объяснить их трансформацией при устной передаче.

5. Житие Иоанна Новгородского «от града Ладоги» (23 июля), л. 194 об.—195 (см. ил. 3)

Иванъ во святыхъ отецъ нашъ бѣ от града Ладоги, от благородну родителю сынъ: отца Романа и матери Евдокѣи. И вдаша ему учити святымъ книгамъ. И приставиша ему пѣстуны со слугами. Извыче воскорѣ всеи книжной хитрости. И по семъ остави отца и матеръ, и шед въ манастырь, и бысть мних. По семъ поставленъ бысть епископомъ Новуграду и пасяше церквѣ Божья лѣтъ 16 и 2 месяца. И тако преставися месяца июля въ 23. И положено бысть честное тѣло его въ манастыри во церквѣ свягата Воскресения на Деревяници въ притворѣ.

²⁰ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 184 (1442 г.).

Комментарий

Неизвестно, откуда взяты автором сведения о происхождении владыки Иоанна «от града Ладоги», имена его родителей, время управления епархией («лѣтъ 16 и 2 месяца»). Судя по тому, что говорится о кончине и погребении владыки, речь идет не о святом Иоанне Новгородском, а вновь об архиепископе Иоанне II, жившем в конце XIV — начале XV в., при этом заключительная часть Жития Иоанна прямо основана на соответствующем летописном тексте (преставился 24 июня 6925 (1417) г. в Воскресенском Деревяницком монастыре, похоронен «въ притворе»²¹).

Помимо пяти рассмотренных выше новгородских житий, в анализируемом Прологе следует отметить еще один текст новгородского происхождения — Память небесного знамения (запись летописного характера): «Стих. Чюден еси Господи и дивна дѣла Твоя. Ты един мудръ. В лѣто 6923 (1415) месяца июля въ 7 мракъ бысть яко зелен и другъ друга одва видити, на одинъ часъ, какъ обѣдно поют» (л. 170 об.). Речь идет о полном солнечном затмении, бывшем в действительности не 7 июля, а 7 июня 1415 г. Искажение названия месяца легко объясняется палеографически и известно в рукописной традиции (в Церковном уставе 1608 г. под 8 июня находится заметка на поле: «В лѣто 6923 июня в 7 час дни тма бысть по всеи земли и стояла до полудня»); об этом же явлении речь идет в целом ряде летописей, но наиболее близкий текст находится во все той же новгородской по происхождению Летописи Авраамки:

Память небесного знамения (7 июля)

В лѣто 6923 [1415] месяца июля въ 7 мракъ бысть яко зелен и другъ друга одва видити, на одинъ часъ, какъ обѣдно поют.

Летопись Авраамки

В лѣто 6923 [1415] (...) июня въ 7 мракъ акы зелень, и друга возле одва видети, начаса како обѣдную пели.²

В более ранних, чем Летопись Авраамки, летописных источниках о зеленом оттенке мрака ничего не говорится, лишь в Московско-Академической летописи упоминается, что солнце «скры луча своя зелене от лица земнаго». Очевидно, что из всех летописных текстов Память небесного знамения в Прологе наиболее близка к тексту новгородской Летописи Авраамки.

Итак, автор агиографического цикла сплетает в своем повествовании три разных традиции: другие жития, содержащиеся в том же Стишном Прологе Папского Восточного института, откуда он порой заимствует текст целыми фрагментами, новгородскую летопись (типа Летописи Авраамки) и местные устные предания, откуда автор получил сведения об именах персонажей, об их родстве или знакомстве, о пребывании их в той или иной обители, о продолжительности нахождения владык на кафедре. Последний источник, устный, особенно интересен. Рассмотренные тексты, хоть и в редуцированном виде, отражают новое фольклорное влияние на книжность, проявляющееся со второй половины XV в. «Новгородские» Жития Пролога Папского Восточного института нельзя считать, как оценил их А. А. Турилов, не имеющими историко-ли-

²¹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 164, 318.

²² Там же. Стб. 164.

тературного значения.²³ Они содержат важное свидетельство о влиянии устной традиции на книжность в начале XVI в., подтверждают отразившееся и в летописании проникновение в письменную литературу фольклорной стихии.

Знание автором агиографического цикла новгородской топонимики (Ладога, Орешек, Белая, Хутынский и Деревяницкий монастыри), использование новгородской по происхождению летописи, а также сам состав житий, среди которых находятся тексты, посвященные новгородским святым, не имевшим посвященных им иных агиографических сочинений (архиепископам Спиридону, Василию Калике и двум Иоаннам — «от града Орешка» и «от града Ладоги»), позволяет с достаточной степенью уверенности говорить не о псковском, как думает А. А. Турилов, а о новгородском происхождении всего корпуса анализируемых текстов и, скорее всего, самого дошедшего до нас манускрипта.²⁴ Время включения в Стишной Пролог новгородских агиографических дополнений должно быть ограничено первым десятилетием XVI в.; по всей видимости, тогда же сложились и другие уникальные жития русских святых, представленные в этой рукописи (это тема отдельного исследования).

Новгородские жития в Прологе Папского Восточного института нельзя рассматривать как сколько-нибудь надежный исторический источник, но они имеют бесспорное литературное значение, поскольку свидетельствуют об отражении в книжности начала XVI в. устных по своему происхождению представлений и сведений о русской истории.

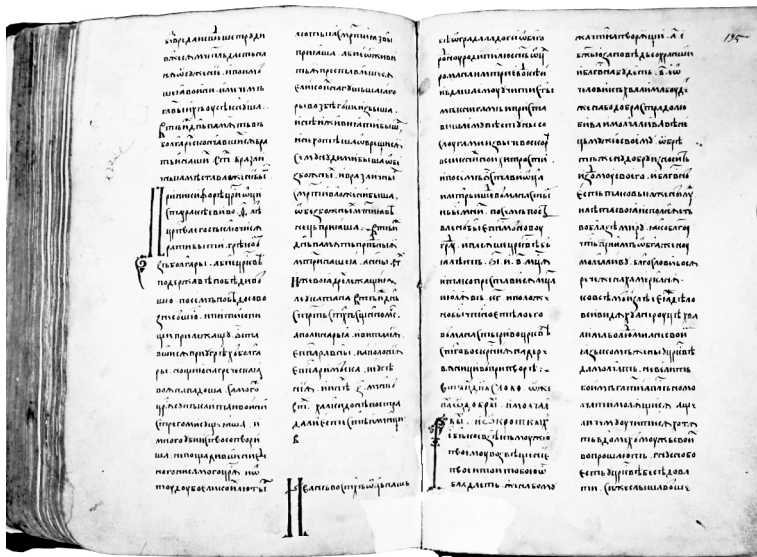
1. Папский Восточный институт (Рим, Италия). Slavo 5, л. 146 об.—147. Житие Иоанна Новгородского «от града Орешка».

²³ А. А. Турилов считает, что «в историческом (в качестве источника) и литературном отношениях значение этих памятников по существу нулевое» (Турилов А. А. (Рец. на:) Джурова А., Станчев К. С. 120).

²⁴ Признавая, что «рукопись происходит из „цокающей“ зоны восточнославянских говоров (Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск)», А. А. Турилов исключает Новгород из этого списка, поскольку «здесь не было нужды создавать жития местных архиепископов, подобные содержащимся в римском Прологе» (Там же. С. 121). Этот аргумент не представляется нам убедительным. Новгородский автор мог восполнять недостаток информации о святых, опираясь на книжный источник.

2. Папский Восточный институт (Рим, Италия). Slavo 5, л. 190 об.—191.
Житие Спиридона Новгородского.

3. Папский Восточный институт (Рим, Италия). Slavo 5, л. 194 об.—195.
Житие Иоанна Новгородского «от града Ладоги».